

DOI: 10.31857/S086919080021772-6

ПАМЯТНИК ЦИНСКОМУ ИМПЕРАТОРУ В КОРЕЕ: ЗРИМОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ ИМПЕРСКОЙ ПОЛИТИКИ

© 2022

Д.В. ВАСИЛЬЕВ ^a, А.В. РЯБОВ ^b, Н.В. КУЗНЕЦОВА ^c^a – Московский городской педагогический университет, Москва, Россия

ORCID: 0000-0001-6616-0646; dvvasiliev@mail.ru

^b – Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России им. Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева, Санкт-Петербург, Россия

ORCID: 0000-0003-1767-1479; ryboff@yandex.ru

^c – независимый исследователь, Красногорск, Россия

ORCID: 0000-0002-0116-4512; nwkusnetsova@yandex.ru

Резюме: В работе анализируется Стела заслугам и добродетели императору Великой Цин (大清皇帝功德碑) – памятник, установленный в Корее в 1639 г. после заключения мирного соглашения в 1637 г. и признания государством Чосон сюзеренитета Цинской династии. Монумент рассматривается как зримое воплощение имперской политики с целью конкретизации ее особенностей и оценки репрезентационной составляющей. Основным источником статьи стал перевод с маньчжурского текста надписи, выполненный А.М. Позднеевым и опубликованный в 1891 г.; к анализу привлекается также китайский текст надписи. В результате анализа надписи на стеле и обзора внешнего вида памятника сделаны выводы о некоторых особенностях политики Цинской империи в отношении Чосона, которые были визуализированы в монументе, а также воспринимались и транслировались в рамках китаецентризма. Принятие вассальной зависимости представлено в тексте надписи на монументе как исторически обусловленное событие: военное нападение на корейское государство произошло, так как Корея нарушила заключенный ранее с маньчжурами союз. Установленные после 1637 г. отношения не предполагали аннексии территории, влияния на систему управления; вассальная зависимость, по сути, являлась номинальным актом: корейский правитель возвращался своей стране, а народ – к мирной жизни. Признание сюзеренитета подразумевало как фактическую (социальную), так и сакральную легитимацию власти вана: после признания своей вины он снова становился в рамках своего государства проводником воли Неба. Стелу заслугам и добродетели императора Великой Цин можно рассматривать как официальный документ, который был выполнен в характерной для Китая форме «прочной книги» (稳书). Это документ, который монументально воплотил признание Кореи вассальной зависимости от Цинской династии и зафиксировал признание со стороны Чосона маньчжурского правителя императором Поднебесной.

Ключевые слова: Цинская империя, Корея, Чосон, Стела заслугам и добродетели императору Великой Цин, внешняя политика, вассальная зависимость.

Для цитирования: Васильев Д.В., Рябов А.В., Кузнецова Н.В. Памятник цинскому императору в Корее: зримое воплощение имперской политики. *Восток (Oriens)*. 2022. № 6. С. 210–220. DOI: 10.31857/S086919080021772-6

THE MONUMENT TO THE QING EMPEROR IN KOREA:
THE VISIBLE EMBODIMENT OF IMPERIAL POLICY© 2022 Dmitry V. VASILYEV ^a, Alexander V. RYABOV ^b, Natalia V. KUZNETSOVA ^c^a – Moscow City University, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0001-6616-0646; dvvasiliev@mail.ru

^b – Saint Petersburg University of State Fire Service of EMERCOM of Russia,
Saint-Petersburg, Russia

ORCID: 0000-0003-1767-1479; ryboff@yandex.ru

^c – Independent Researcher, Krasnogorsk, Russia

ORCID: 0000-0002-0116-4512; nwkusnetsova@yandex.ru

Abstract: *The article focuses on The Stele to the Merits and Virtues of The Emperor of the Great Qing (大清皇帝功德碑) that was erected in the Joseon state in 1639 after the 1637 peace agreement and recognition of Qing suzerainty. The stele is examined as a visible embodiment of the imperial policy in order to specify its features and evaluate the representing component. The main source is the translation of the Manchu text on the Stele first made by A.M. Pozdneev and published in 1891. The Chinese version of the inscription is also used. As a result, the features of the Qing policy towards Joseon visualized in the monument, perceived and presented within the sinocentric context are identified and analyzed. The acceptance of vassalage is presented as a historically determined event: the military attack took place because Joseon had violated the previously concluded alliance with the Manchus. The relations established after 1637 did not imply annexation and influence on the government system. In fact, the vassalage was a nominal act: the ruler returned to his country, and the people came back to peaceful life. The recognition of suzerainty resulted in both actual (social) and sacred legitimation of the van's power: he admitted his guilt and subsequently became a conductor of Heaven's will within his state. The Stele can be regarded as an official document created in the "solid book" form (稳书), typical for China. This monument can be seen as an official document that embodied Korea's recognition of its vassalage to the Qing dynasty and recorded Joseon's recognition of the Manchu ruler as an emperor of the Celestial Empire.*

Keywords: Qing Empire, Korea, Joseon, The Stele to the Merits and Virtues of The Emperor of the Great Qing, foreign policy, vassalage.

For citation: Vasilyev D.V., Ryabov A.V., Kuznetsova N.V. Monument to the Qing Emperor in Korea: the Visible Embodiment of Imperial Policy. *Vostok (Oriens)*. 2022. No. 6. Pp. 210–220. DOI: 10.31857/S086919080021772-6

В XXI в. в российской науке наблюдается положительная тенденция к уточнению китаецентризма – основы имперской политики Китая в Новое время и более ранние периоды, а также к глубокому анализу особенностей взаимодействия Цинской империи с зависимыми владениями и китайской концепции международных отношений в целом. Укажем на работу С.Л. Кузьмина, где устанавливаются сходства и отличия в понимании понятия вассалитета в Европе и на Востоке, в том числе и в Поднебесной, говорится о неоднозначности взаимодействия империи Цин с разными странами [Кузьмин, 2019]. С.Г. Андреева подчеркивает особое значение корейского направления внешней политики Цин [Андреева, 2018, с. 137]. Концепция китаецентризма уточняется в статьях Л.В. Забровской [Забровская,

2015], Ю.О. Каморной [Каморная, 2014], Н.В. Кузнецовой [Кузнецова, 2021]. Цель данной работы – рассмотреть памятник цинскому императору в Корее как зримое воплощение имперской политики – определена с учетом рассмотренной тенденции. Выбранный ракурс позволяет конкретизировать особенности политики в отношении государства Чосон именно в той степени, в какой они транслировались и были воплощены в монументе.

Анализируемый монумент и в настоящее время продолжает оставаться элементом городской среды: стела высотой более 5 м расположена в Южной Корее, в Сеуле, в городском районе Самджон (Саньтянь)¹ муниципального округа Сонпха (Сунпо)². Памятник состоит из трех частей: изображений голов драконов сверху, вертикальной плиты с высеченным текстом и основания в форме черепахи. Надпись была выполнена на китайском, маньчжурском и монгольском языках, но сейчас, судя по фотоматериалам, текст практически не виден. Памятник был установлен в 1639 г. корейским ваном Инджо по приказу цинского императора Чундэ (Хуантайцзи) в ознаменование признания сюзеренитета Цинской династии. Монумент известен под названием «Стела заслугам и добродетели императору Великой Цин» (это первая строка надписи на стеле) [*Дацин хуанди гундэ бэй*]. Признание сюзеренитета произошло в 1637 г. при заключении мирного соглашения между Чосон и Цин. По сути, это было принятие корейской стороной ряда требований маньчжурской стороны [Дацышен, Модоров, 2013, с. 35–36].

Особенности корейско-маньчжурских отношений до 1637 г., победа Цин над Чосоном, установление сюзеренно-вассальных отношений, прекращение взаимодействия Кореи с Минской династией – все эти факты становились предметом научного рассмотрения в трудах Л.И. Думана, В.Г. Дацышена, Н.С. Модорова, Т.М. Симбирцевой, С.О. Курбанова [*Внешняя политика государства Цин*, 1977; Симбирцева, 2012; Дацышен, Модоров, 2013; Курбанов, 2009], а также в опубликованных на английском языке исследованиях [Kim S., 2017; Kim Y., 2018; *Empire in Asia*, 2018; Chan, 2018; Westad, 2021], однако о корейской стеле цинскому императору в этих работах не говорится, что обуславливает новизну исследования. Авторами было обнаружено упоминание о монументе у Н.А. Чесноковой и С.К. Соны [Чеснокова, 2017, с. 118; Song, 2014, p. 123], но без анализа памятника. Исследование осуществлено с опорой на научные результаты предшественников, в том числе на работы зарубежных ученых Ван Юаньчуна и Ли Ги Бэка [Ван, 2015; Ли, 2000].

Впервые в российской науке о стеле написал А.М. Позднеев [Позднеев, 1891]. В свою работу он включил перевод текста надписи памятника, выполненный с маньчжурского языка³, который стал основным источником для данной работы [*Памятник отличных подвигов и доблестей*, 1891]⁴. Авторы также анализируют китайский текст памятника [*Дацин хуанди гундэ бэй*].

Вскоре после заключения мирного соглашения 1637 г. цинский двор потребовал от Кореи установить на месте принятия капитуляции стелу для прославления правителя Поднебесной, чтобы воздать должное его заслугам. Окончательный вариант текста был утвержден в августе 1639 г. Надпись на китайском языке (официальном языке переписки) составляли подданные Чосона, а монгольский и маньчжурский варианты текста – чиновники Цин. Сообщение об установке стелы от вана цинский двор получил в ноябре 1639 г. С 1640 г. монумент охранялся, так как идея памятника не была признана всеми корейскими

¹ Здесь и далее сначала указываем корейский топоним, далее в скобках – китайский.

² Название городского района на корейском языке – Самджон 삼전, муниципального округа – Сонпха 송파, на китайском – Саньтянь 三田, Сунпо 松坡.

³ Отдельные слова, фрагменты текста перевода с маньчжурского А.М. Позднеев дополняет переводом надписи с монгольского языка.

⁴ Перевод китайского текста надписи на английский язык был опубликован в 1889 г. [Rockhill, 1889, p. 26–30], однако в этом переводе есть ошибки [Ван, 2015, с. 282], поэтому в статье он не рассматривается.

чиновниками, и угроза его разрушения была реальной. Цинские послы трижды посетили Чосон – в 1640 г., 1641 г. и 1643 г.; встречи происходили в павильоне, где была установлена стела, больше официальных встреч у памятника не происходило [Ван, 2015, с. 274, 276–280].

На первый взгляд, основное содержание надписи на стеле – описание и прославление милости Хуантайцзи. Текст можно условно разделить на три части⁵. Последнюю следует назвать китаецентристской: именно здесь в большей степени воплощена концепция обо-жествления зависимым государством правителя Поднебесной, преклонения перед ним. Сначала в заключительной части идет описание установки стелы, инициатива создания которой приписывается корейской стороне. Цель возведения – «... сделать отличные подвиги и доблести императора равными небу и земле. Это не только (послужит причиной того, что) наше маленькое государство будет из рода в род и во веки веков жить, питая полное доверие; но и то, что все, начиная с самых отдаленных, преклонятся перед человеколюбивыми славными и величественными деяниями великого государства» [*Памятник отличных подвигов и доблестей*, 1891, с. 52]. О месте, где была принята капитуляция Чосона, говорится как о наполненном благоденствием пространстве благодаря добродетелям премудрого императора. Позиция Кореи до принятия вассальной зависимости определяется как помрачение умов и непонимание, которые привели к страданиям, а влияние премудрого правителя – как пробуждение от сна. Отмечается способность правителя Поднебесной «проявлять совместно и ужасающее величие и доброту», и это сравнивается с действиями Неба, которое, «ниспосылая иней и росу, может делать безжизненным и может возбуждать к жизни» [*Памятник отличных подвигов и доблестей*, 1891, с. 53]. Подчеркивается значение императора для всего государства: он отвел войска с корейских земель, возвратил вана (то есть позволил ему дальше править страной), вернул подданных Чосона к мирной жизни [*Памятник отличных подвигов и доблестей*, 1891, с. 53].

Однако надпись – это также историческое повествование о событиях, которое ведется от лица корейского подданного. После первой строки – наименования текста, который является сейчас одним из названий памятника, – сначала повествуется о событиях маньчжуро-корейской войны 1636–1637 гг., указывается причина, по которой Хуантайцзи направил в сторону Кореи войска: «Зимой, во втором месяце, в первый год правления Чундэ⁶, Великой Цин, проявляющий снисходительность, милостивый, человеколюбивый и совершенно-мудрый император⁷, так как установленный с ним мир был испорчен, начал сильно гневаться» [*Дацин хуанди гундэ бэй*].

Цинские войска, во главе которых стоял сам Хуантайцзи, выступили в сторону Кореи зимой 1636 г. Ван Инджо, узнав о победах маньчжур в сражениях, их приближении к столице, отправил в сопровождении дачнов своих наложниц и сыновей, кроме старшего, на остров Канхва. Сам ван с наследником и министрами скрылся в крепости, городе в горах, занял оборонительную позицию. Цинским войскам удалось одержать победу: крепость была окружена, в городе не хватало провианта и фуража, к тому же все, кого Инджо направил на Канхва, попали в плен, а направленные в качестве подкрепления войска были разбиты по дороге к городу, где находился корейский ван. В такой военной обстановке Инджо направил в цинский лагерь посла и выразил готовность сдаться [Ван, 2015, с. 273; Ли, 2000, с. 234]. Ван принял условия капитуляции, сформулированные в указе Хуантайцзи корейскому правителю [Дацишен, Модоров, 2013, с. 35–36]. Так Корея стала вассалом Цинской империи.

⁵ Надпись на стеле представляет собой целостный текст, условное разделение текста на три части осуществлено авторами для анализа.

⁶ Девиз правления Хуантайцзи с 1636 г.

⁷ Приводится полное наименование титула, который был принят Хуантайцзи в 1636 г.

Как отражаются события начала войны в надписи на стеле: сначала подчеркивается ужас корейской стороны, страх и опасение вана, который, укрывшись в крепости, «как бы ступив на весенний лед, ожидал рассвета» [*Памятник отличных подвигов и доблестей*, 1891, с. 49]. Повествуется о поражении войск Чосона, истощении хлебных запасов в крепости. Делается акцент: победа цинских войск над корейцами могла произойти с легкостью, однако «премудрый император почел необходимым не только наносить смерти, а еще проявить доброту своего духа и потому издал высочайший декрет с (таким) внушением: «Если ты подчинишься, я оставлю тебя целым; если же не подчинишься, – разорю в конец» [*Памятник отличных подвигов и доблестей*, 1891, с. 50]. Далее описывается, как Инджо («наш ничтожный повелитель») собрал гражданских чиновников и военных и признал свою личную вину в том, что Цин напала на Чосон: «...миновало десять лет с тех пор, как я заключил союз с великим государством; по моему неведению и неразумию небо ускорило послать военные действия и десятки тысяч семей испытывают страдания. Эти несчастья лежат исключительно на моем одиноком существе. Как же осмелюсь я не соблюдать в полноте заветов своих высоких предков, не охранять свой подвластный народ и безбоязненно отвергнуть высочайшее повеление, тем более что премудрый император не только не может выносить убийства, но еще предлагает увещания?!» [*Памятник отличных подвигов и доблестей*, 1891, с. 50]. Приближенные вану подданные одобрили его решение. «Немедленно же, взяв несколько десятков кавалеристов, (ван) отправился перед армию и принес извинения» [*Памятник отличных подвигов и доблестей*, 1891, с. 50] (в китайском тексте употреблен глагол 请罪 – «прийти с повинной, просить снисхождения (прощения)»). После демонстрации готовности сдаться военные действия прекратились: «...премудрый император, выполняя церемонии, проявляя человеколюбие, лаская милостями и примиряясь, сказал речь, возбуждающую душевную преданность. Пожалованные им в награду милости достались решительно всем изъявившим покорность сановникам. По окончании церемоний (император) немедленно возвратил нашего ничтожного вана назад в столицу и в то же время, собрав войска, двигавшиеся вперед, возвратился обратно» [*Памятник отличных подвигов и доблестей*, 1891, с. 50]. Заканчивается повествование о войне (но не текст надписи) восклицанием о величайшей милости цинского императора, который «помиловал народ и возбудил в нем ревность к земледельческим занятиям» [*Памятник отличных подвигов и доблестей*, 1891, с. 50–51] (в китайском тексте употреблены глаголы 抚民 – ‘опекать народ, управлять народом’, 劝农 – ‘поощрять развитие сельского хозяйства’), в результате все, кто покинул свое местожительство, вернулись.

На этом повествовательная часть надписи заканчивается, начинается аналитическая, которая построена на основе ретроспекции: перечисляются проступки, которые совершило «маленькое государство перед высоким государством» [*Памятник отличных подвигов и доблестей*, 1891, с. 51]. Сначала упоминаются события 1619 г.⁸, в частности, сдача в плен Цзинь корейского военачальника Цзяна Хунли после поражения в битве у горы Сарху. После этого события Нурхаци стал предпринимать попытки сближения с правящей корейской династией – сначала через переписку, пытаясь нейтрализовать угрозу войны с Кореей, объединиться с ней и получить признание власти Поздней Цзинь. Правящий ван Кванхэ-гун занял на дипломатическом уровне прагматическую позицию лавирования, будучи связанным с Минской династией вассальными отношениями. Он не желал портить отношения с маньчжурской династией, но избегал однозначного ответа и предпочитал взаимодействие с Нурхаци через министров [Ван, 2015, с. 273]. В битве у Сарху маньчжуры выступали

⁸ Конкретные даты в тексте не указаны; в этом случае датировка возможна благодаря упоминанию в тексте имени корейского военачальника, который сражался против маньчжур на стороне войск династии Мин.

против Мин, а не против Чосона, и первый проступок Кореи на стеле определяется как попытка помочь войсками Минской династии.

Второй проступок Кореи против Цин относится к 20-м гг. XVII в., причем краткая отсылка к этим событиям в надписи имеется ранее, в признании Инджо собственной вины в повествовательной части текста, когда он вспоминает события десятилетней давности – заключение союза с великим государством. В аналитической части говорится о движении войск премудрого императора, об удалении на морской остров корейского правителя и всех сановников, об отправке послов и просьбе о мирном соглашении [*Памятник отличных подвигов и доблестей*, 1891, с. 51], то есть приводится дополнительная информация о событиях тех лет.

Здесь имеются в виду следующие события: в 1623 г. в Корее произошел дворцовый переворот, когда Инджо стал ваном Чосона. В начале своего правления он однозначно поддерживал династию Мин, стремился прервать все контакты с Цзинь, а также планировал организовать военный поход на маньчжур. В 1627 г. новый правитель династии Цзинь Хуантайцзи приказал бэйлэ А Миню вести войска против Кореи. Ван Инджо сначала попытался скрыться и бежал на остров Канхва, но в итоге направил посла в военный лагерь маньчжур с просьбой о мире. В результате был заключен союз, скрепленный клятвой перед Небом, и достигнуто соглашение о так называемом государстве братьев, где Цзинь становилась старшим братом, а Чосон – младшим. В последующее десятилетие отношения между двумя династиями оставались относительно стабильными; обе стороны направляли друг к другу дипломатических представителей [Ван, 2015, с. 273]. Надпись на стеле описывает эти события следующим образом: «Премудрый император, приняв представление, определил быть государствам как бы старшему и младшему брату, оставил по-прежнему наши земли и местности... С этих пор исполнении церемониальных отношений совершалось неослабно и командирование посольств было безостановочное» [*Памятник отличных подвигов и доблестей*, 1891, с. 51].

Третий проступок Чосона против Цинской династии описывается в надписи на стеле следующим образом: «...возникли несчастные, легкомысленные замыслы, породилось намерение произвести замешательства, и к сановникам, жившим на границе маленького государства, было отправлено письмо, (полное) непокорных речей. Письмо это захватили вельможи, приходившие послами» [*Памятник отличных подвигов и доблестей*, 1891, с. 51]. Здесь идет отсылка к значимому сюжету истории Цинской империи и корейско-маньчжурских отношений 30-х гг. XVII в., причем при описании третьего проступка Кореи упоминается только один эпизод.

15 мая 1636 г. Хуантайцзи в Шэнцзине⁹ становится *куань вэнь жэнь шэн хуанди* 寬溫仁聖皇帝 – «проявляющим снисходительность, милостивым, человеколюбивым и совершенно-мудрым императором», изменяется также девиз царствования (наименование эры летоисчисления) – с Тяньцун 天聰 ‘врожденная мудрость’ на Чундэ 崇德 ‘высокая добродетель’. Официальным названием подвластного ему государства становится *Да Цин го* 大清国 ‘великое государство (империя) Цин’ [Ван, 2015, с. 273]. Титул был принят на маньчжурском, монгольском, китайском языках, и на этом государственном мероприятии было совершено «...ритуальное “извещение Неба и Земли, а также жертвоприношение им”» [*История Китая*, 2014, с. 22]. Т.А. Пан подчеркивает: «Этот акт может быть истолкован как окончательное торжество при маньчжурском дворе традиционной китайской доктрины, согласно которой император правил благодаря полученному от Неба мандату. С этой точки зрения можно объяснить даже выбор девиза. ... В чисто политическом аспекте

⁹ Так назывался город Шэньян (Мукден) в 1625–1912 гг.

смену “Небесного разума” на “Возвышенную благуя силу дэ” можно интерпретировать как переход к реальной политике “завершения великого дела”» [*История Китая*, 2014, с. 22].

Г.Б. Ли пишет, что после церемонии 1636 г. Хуантайцзи «...послал своих послов в Сеул и потребовал от Кореи признания вассальных отношений. Но ван Инджо даже не принял послов Абахая, наотрез отказавшись вести с ними какие-либо переговоры. Это было равносильно объявлению войны» [Ли, 2000, с. 234]. Ван Юаньчун акцентирует внимание на том, что причиной недовольства Цинского императора стал отказ представителя Чосона совершить, согласно этикету, коленопреклонение перед тронном во время церемонии, а также отказ корейского вана Инджо признать Великую Цинскую империю как государство, а его правителя – как императора [Ван, 2015, с. 273]. Хотя исследователи делают акцент на разных событиях, описывая причины маньчжуро-корейской войны 1636–1637 гг., оба они указывают на неизбежность военных действий.

Однако еще до описанной церемонии корейская сторона не поддержала стремления Хуантайцзи принять императорский титул. Для выяснения реакции вана ко двору Чосона был отправлен посол Инээрдай. Маньчжурского представителя принял министр, а не сам правитель. Такое развитие событий не устроило посла: он отказался принять ответ вана, в оскорбительном тоне беседовал с министром, высказывал угрозы в сторону корейских чиновников. Приема у правителя Кореи Инээрдай не дождался и самовольно выехал из столицы. Вслед за послом был отправлен гонец с поручением вручить ему ответ корейского вана. При встрече Инээрдай отобрал у него силой другие письма, которые были адресованы корейским чиновникам, проживавшим на границе государства, и содержали указания крепить оборону приграничных рубежей [*Внешняя политика государства Цин*, 1977, с. 111–112]. Удивительно, что в надписи на стеле зафиксирован именно этот эпизод с письмом, а не отказ признать маньчжурского правителя императором. Полагаем, этому факту можно найти следующее объяснение.

Выше приводится полный титул, который был принят Хуантайцзи в 1636 г., и новый девиз правления (эры летоисчисления). Подчеркнем: первое предложение надписи, где говорится о гневе императора из-за нарушений заключенного ранее мирного соглашения, содержит оба наименования. Здесь употребляется и полный титул – куань вэнь жэнь шэн хуанди 寬溫仁聖皇帝, и девиз правления Чундэ 崇德, и новое официальное название маньчжурского государства Да Цин 大清. С учетом этого памятник можно рассматривать как официальный документ – свидетельство признания государством Чосон маньчжурского правителя императором Поднебесной и, соответственно, своей вассальной зависимости от Цинской империи¹⁰.

Отметим факт, который позволяет рассматривать этот монумент как документ. Известна традиция, характерная для китайского государства, делать посредством гравировки так называемые ‘прочные книги’ (вэнь шу 穩書) – вырезать на камне значимые тексты, в том числе исторические и философские произведения. Так, еще в 837 г. по приказу императора Кайчэна было обработано 114 каменных стел, на которых выгравировали такие классические работы, как «Книга истории», «Книга перемен», «Книга песен», конфуцианские работы «Беседы и суждения», «Канон сыновей почтительности» и другие. В 1087 г. в Китае был создан Бэй линь 碑林 ‘Лес стел’ – собрание исторических памятников – каменных книг и документов, которое в дальнейшем пополнялось, в том числе при Мин и Цин [Дашинцзи]. Маньчжурская династия в этом направлении следовала традиции Поднебесной.

Аналитическая часть, как и первая, заканчивается восхвалением императора, чья деятельность сопоставляется с царящей в природе гармонией: «...минует иней и снег –

¹⁰ О том, что признание маньчжурского правителя императором влекло за собой признание зависимости положения Кореи, см., например: [*Внешняя политика государства Цин*, 1977, с. 111].

наступает весна; минует безводная засуха – наступает время дождей; и подобно этому (император) вторично восстановил то, что приходило к концу в маленьком государстве» [*Памятник отличных подвигов и доблестей*, 1891, с. 52].

Премудрый император и наш ничтожный государь – значимое для понимания сути вассальных отношений противопоставление в тексте надписи на стеле. Подчеркнем, что в китайском варианте текста установлены несколько иные смысловые акценты. Хуантайцзи называется императором (皇帝), а Инджо – 寡君, одиноким правителем, причем понятие, употребленное в отношении корейского вана, можно перевести как ‘наш государь’, но в том смысле, что это высказывание принадлежит его подданным, прибывшим в чужую страну. Это противопоставление раскрыто в надписи на стеле через отношение правителя к народу – своим подданным. Акцентируется, что действия вана Чосона привели к нападению маньчжур на страну и стали причиной страдания людей, а его решение прийти с повинной изменили ситуацию. Благодаря милостям императора, напротив, установилась опека над народом правителя Поднебесной и корейское государство снова вернулось к мирной, гармоничной жизни. Ван возвращался к управлению страной, то есть снова, подобно китайскому императору, становился посредником между Небом и Землей¹¹: в рамках китаецентризма считалось, что «правитель некийтайского народа получал не просто китайский титул от сына Неба, но и сакральную силу от императора, который проводил ее на Землю непосредственно из сакрального небесного пространства» [Кузнецова, 2021, с. 26].

Остановимся на противопоставлении маленькое – великое государство (大邦 – 小邦), которое возникает в начале надписи и проходит через весь текст. На первый взгляд, здесь корейская сторона только осознанно принижает себя и возвеличивает маньчжурскую. Но эта антитеза также показывает, что Корея признавала свой вассальный статус, возвращалась к договоренностям 20-х гг. о государстве братьев. Отметим, образ маленького и великого государства был воплощен не только в тексте надписи, но и в композиции памятника. В государстве Чосон была возведена не только эта стела – монументом можно назвать целый мемориальный комплекс. Огромная стела с надписью, анализ которой осуществлен в настоящем исследовании, была установлена в специально сооруженном для нее павильоне. Отдельно была воздвигнута каменная стела меньшего размера, которая также представляла собой черепашу, несущую вертикальную плиту. Эта небольшая стела стояла вне павильона [Ван, 2015, с. 279, 281]. Сейчас вторая черепаша, правда, без каменной плиты, стоит рядом с первой.

Подчеркнем, основание монумента, действительно, выглядит как черепаша, однако это традиционная для Китая фигура одного из так называемых девяти сыновей дракона¹² – биси (赑屃). Это дракон, внешне похожий на черепаху, который «чрезвычайно силен и потому любит носить на спине тяжести... Именно на его спине, а не на черепашьей, устанавливали каменные стелы» [Сомкина, 2016, с. 215]. Считалось, что возведенная на спине этого существа стела сможет простоять вечность, так как биси сможет защитить ее от внешних посягательств. Фрагменты изваяния такого дракона, похожего на черепаху, были обнаружены в том числе при сношении старых стен Пекина [Сомкина, 2016, с. 215].

В верхней части стелы изображены фуси (负屃). Это существо – тоже один из девяти сыновей дракона, который любит проявления образованности, в частности, словесность. Его часто изображали в верхней части памятных стел. Н.А. Сомкина подчеркивает:

¹¹ О корейских ванах как посредниках между Небом и Землей см.: [Симбирцева, 2012, с. 46].

¹² Лун шэн цзю цзы 龙生九子 – буквально ‘дракон рождает девять сыновей’. Образ девяти сыновей дракона – значимый феномен китайской культуры, компонент зооморфной символики. Образы всех девяти сыновей встречаются в китайской архитектуре и декоративно-прикладном искусстве. См. об этом: [Сомкина, 2016, с. 213].

«Классический ансамбль – каменная стела, стоящая на панцире биси и увенчанная парой фуси, переплетенных между собой змеевидными телами, появилась в танское время» [Сомкина, 2016, с. 216]. Однако подобные памятники устанавливали не только в Китае. А.М. Решетов пишет: «В странах Восточной Азии и во Вьетнаме как памятник культуры и символ вечности и мудрости нередко можно встретить скульптуру громадной каменной черепахи гуйфу, служащую основанием для укрепленной на ней вертикальной стелы с памятным текстом» [Решетов, 2006, с. 186].

Выполненный анализ надписи на стеле Саньтяньду и краткий обзор внешнего вида памятника позволяет следующим образом акцентировать некоторые особенности внешней политики империи в отношении Кореи (в той степени, в какой она воспринималась, транслировалась в рамках китацентризма и была визуализирована в монументе).

Во-первых, принятие вассальной зависимости рассматривается в тексте надписи как исторически обусловленное событие, к которому привели действия корейского правителя. С помощью приема ретроспекции подчеркивается логичность цинской внешней политики: военное нападение на Корею произошло не с целью экспансии, распространения влияния на близлежащее государство, но вследствие нарушения корейской стороной заключенного ранее союза.

Во-вторых, установление вассальной зависимости, по сути, является номинальным актом, который не предполагает аннексии территории Кореи, вмешательства в сферу управления. Напротив, признавший свою вину ван возвращается своей стране, то есть перестает быть «одиноким правителем», отдаленным от своих подданных, цинские войска покидают Корею, а народ возвращается к мирной жизни.

В-третьих, признание сюзеренитета означает не только социальную, фактическую, но и сакральную легитимацию власти корейского вана: подвластное ему государство возвращалось к мирной жизни, соответственно, он сам, в рамках государства Чосон, мог продолжать считаться проводником воли Неба.

Саму стелу можно рассматривать как официальный документ, выполненный в форме «прочной книги», содержанием которого является признание Кореей маньчжурского правителя императором Поднебесной, а не только как монументальное воплощение признания государством Чосон своей вассальной зависимости от маньчжурской династии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Андреева С.Г. Китайская дипломатия в Корее: по материалам дипломатической переписки российских представителей в Китае и Корее (1880-е – начало 1890-х гг.). *Общество и государство в Китае*. 2018. Т. XLVIII. Ч. 2. С. 135–153 [Andreeva S.G. Chinese Diplomacy in Korea. Based Materials from Russian Archives (1880s – early 1890s). *Society and State in China*. 2018. Vol. XLVIII. Part 2. Pp. 135–153 (in Russian)].

Ван Юаньчун (王元崇). Саньтяньду «Дацин хуанди гундэ бэй» маньхэнь бэйвэнь цай яньцзю (Дальнейшее исследование маньчжурских и ханских надписей на памятнике Саньтяньду – «Стеле заслугам и добродетели императору Великой Цин» (三田渡《大清皇帝功德碑》满汉碑文再研究)). *Чжунгуо гуоцзян сюэ. Ди сань цзи* (Исследования граничащих с Китаем государств. Т. 3 (中边国疆学. 第三辑)). Бэйцзин: Шэхуэй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ (Пекин: Академическое издательство общественных наук (北京: 社会科学文献出版社), 2015. С. 271–308 [Wang Yuanchong. Santiandu “Daqing huandi gongde bei” manhan beiwen zai yanjiu (Further Research on the Manchu and Han Inscriptions on Santiandu “The Great Qing Emperor’s Merit and Virtue” Monument). *Zhongbian guojiang xue. Disan ji (Chinese Borderland Studies*. Vol. 3). Beijing: Social Science Academic Press, 2015. Pp. 271–308 (in Chinese)].

Внешняя политика государства Цин в XVII в. Отв. ред. Л.И. Думан. М.: Наука, 1977 [*The Foreign Policy of the Qing State in the 17th Century*. Ed. L.I. Duman. Moscow: Nauka, 1977 (in Russian)].

Дацин хуанди гундэ бэй (Стела заслугам и добродетели императору Великой Цин (大清皇帝功德碑)) [*Daqing huangdi gongde bei* (The Stele to the Merits and Virtues of The Emperor of the Great Qing) (in Chinese)] <https://zh.m.wikisource.org/zh/大清皇帝功德碑> (accessed: 09.05.2022).

Дашицзи (Хроника событий (大事记). Бэйлинь боугуань (Музей Лес стел (碑林博物馆)) [Beilin bowuguan (Forest of Steles Museum) (in Chinese)] <http://www.beilin-museum.com/index.php?m=home&c=Lists&a=index&tid=82> (accessed: 11.05.2022).

Дацышен В.Г., Модоров Н.С. Расширение маньчжурского государства в первой трети XVII в. Маньчжуро-корейская война 1636–1637 гг. *Мир Евразии*. 2013. № 2(21). С. 26–36 [Dachishen V.G., Modorov N.S. Expansion of the Manchu State in the First Third of the 17th Century. Manchu-Korean War, 1636–1637. *World of Eurasia*. 2013. No. 2(21). Pp. 26–36 (in Russian)].

Забровская Л.В. Традиционная китайская система управления «восточными варварами» при династии Цин. *Известия Иркутского государственного университета. Серия: История*. 2015. Т. 14. С. 58–66 [Zabrovskaya L.V. Traditional Chinese System of Control over “East Barbarians” under the Qing Dynasty. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series: History*. 2015. Vol. 14. Pp. 58–66 (in Russian)].

История Китая с древнейших времен до начала XXI века: в 10 т. Гл. ред. С.Л. Тихвинский. Т. VI: Династия Цин (1644–1911). Отв. ред. О.Е. Непомнин. М.: Наука – Восточная литература, 2014. [*A History of China from Ancient Times to Early 21st Century*. In 10 vols. Ed. S.L. Tikhvinsky. Vol. 6: The Qing Dynasty (1644–1911). Ed. O.E. Nepomnin. Moscow: Nauka – Vostochnaya Literatura, 2014 (in Russian)].

Каморная Ю.О. Завоеватели или мироустроители: проблема внешних войн в официальном историописании периода Цин. *Россия и АТР*. 2014. № 2(84). С. 138–157 [Kamornaya Y.O. Conquerors or Pacifators: The Problem of Military Expansion in Official Historiography of the Qing Period. *Russia and the Pacific*. 2014. No. 2(84). Pp. 138–157 (in Russian)].

Кузнецова Н.В. Сакральный характер власти в Цинской империи и его проявление во внешней политике по отношению к Джунгарскому ханству и казахам. *Монголоведение*. 2021. Т. 13. № 1. С. 22–40 [Kuznetsova N.V. The Sacral Nature of Power in the Qing Empire and Its Manifestation in Foreign Policy towards the Dzungar State and the Kazakhs. *Mongolian Studies*. 2021. Vol. 13. No. 1. Pp. 22–40 (in Russian)].

Кузьмин С.Л. Вассалитет на Западе и Востоке: проблема отношений империи Цин с Монголией и Тибетом. *Восток (Oriens)*. 2019. № 1. С. 39–54 [Kuzmin S.L. The Problem of Vassalage in the West and the East: Relations of the Qing Empire with Mongolia and Tibet. *Vostok (Oriens)*. 2019. No. 1. Pp. 39–54 (in Russian)].

Курбанов С.О. *История Кореи: с древности до начала XXI в.* СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2009 [Kurbanov S.O. *A History of Korea: from Ancient Times to Early 19th Century*. Saint Petersburg: St-Petersburg University Press, 2009 (in Russian)].

Ли Ги Бэк. *История Кореи: новая трактовка*. Пер. с кор.: Тё Ён Гир, Ли Иль Тин, С.Д. Волков и др.; ред. С.О. Курбанов. М.: ТИД «Русское слово – РС», 2000 [Lee Gi Baek. *A History of Korea: New Interpretation*. Translation: Cho Yong Gir, Lee Il Tin, S.D. Volkov et al.; ed. S.O. Kurbanov. Moscow: TID “Russkoe slovo – RS”, 2000 (Russian translation)].

Памятник отличных подвигов и доблестей премудрого императора Дайцинской империи. Перевод с маньчж. А. Позднеева. *Записки восточного отделения Императорского русского археологического общества*. Ред. В.Р. Розен. 1890. Т. 5. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1891. С. 49–54. [A Monument to the Great Deeds and Virtues of the Wise Emperor of the Daiqing Empire. Translation from Manchu by A. Pozdneev. *Notes of the Eastern Branch of the Imperial Russian Archaeological Society*. Ed. V.R. Rosen. 1890. Vol. 5. Saint Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy akademii nauk, 1891. Pp. 49–54 (in Russian)].

Позднеев А. Каменописный памятник подчинения маньчжурами Кореи. *Записки восточного отделения Императорского русского археологического общества*. Ред. В.Р. Розен. Т. 5. 1890. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1891. С. 37–55 [Pozdneev A. A Stone Monument to Korea's Subjugation to the Manchus. *Notes of the Eastern Branch of the Imperial Russian Archaeological Society*. Ed. V.R. Rosen (ed.). 1890. Vol. 5. Saint Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy akademii nauk, 1891. Pp. 37–55 (in Russian)].

Решетов А.М. О культе черепахи в Китае (к вопросу о взаимосвязи сакрального и обыденного). *Радловские чтения 2006*. Отв. ред. Ю.К. Чистов, Е.А. Михайлова. СПб.: МАЭ РАН, 2006. С. 184–189 [Reshetov A.M. On the Cult of the Turtle in China (Issue of the Sacred-Ordinary Relationship). *Radlov Readings 2006*. Eds. Y.K. Chistov, E.A. Mikhailova. Saint Petersburg: MAE RAS, 2006. Pp. 184–189 (in Russian)].

Симбирцева Т.М. *Владыки старой Кореи*. М.: РГГУ, 2012 [Simbirtseva T.M. *The Rulers of Old Korea*. Moscow: RSUH, 2012 (in Russian)].

Сомкина Н.А. Девять сыновей дракона – феномен китайской культуры. *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*. 2016. № 8–2. С. 213–218 [Somkina N.A. The Nine Sons of the Dragon. A Chinese Cultural Phenomenon. *Current Issues of the Humanities and Natural Sciences*. 2016. No. 8–2. Pp. 213–218 (in Russian)].

Чеснокова Н.А. Дипломатия на грани фола: «верность», «долг» и «садэ» в Коре в XVII–XVIII вв. *Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение*. 2017. № 2 (8). С. 114–122 [Chesnokova N.A. On the Rough Edges of Diplomacy. “Loyalty”, “Debt” and “Sadae” in the 17th – 18th Centuries in Korea. *RSUH/RGGU Bulletin. Series: Political Science. History. International Relationships. Area Studies. Oriental Studies*. 2017. No. 2 (8). Pp. 114–122 (in Russian)].

Chan R.K. *Korea-China Relations in History and Contemporary Implications*. Cham: Palgrave Macmillan, 2018.

Empire in Asia: a New Global History. Vol. 1: From Chinggisid to Qing. Eds. J. Fairey, B.P. Farrell. London: Bloomsbury Academic, 2018.

Kim S. *Ginseng and Borderland: Territorial Boundaries and Political Relations between Qing China and Chosŏn Korea, 1636–1912*. Oakland: University of California Press, 2017.

Kim Y. *A History of Chinese Political Thought*. Cambridge: Polity, 2018.

Rockhill W.W. Korea in Its Relations with China. *Journal of the American Oriental Society*. 1889. No. 13. Pp. 1–33.

Song S.K. *Intellectuals and the State: the Resilience and Decline of Neo-Confucianism as State Ideology in Joseon Korea*. PhD Thesis. SOAS, University of London. London, 2014.

Westad O.A. *Empire and Righteous Nation: 600 Years of China-Korea Relations*. Cambridge, Massachusetts: Belknap Press, 2021.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ВАСИЛЬЕВ Дмитрий Валентинович – доктор исторических наук, профессор Московского городского педагогического университета, Москва, Россия.

Dmitry V. VASILYEV, Dr. of History, Professor, Moscow City University, Moscow, Russia.

РЯБОВ Александр Вячеславович – кандидат культурологии, заведующий кафедрой философии и социальных наук, Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России им. Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева, Санкт-Петербург, Россия.

Alexander V. RYABOV, PhD (Cultural Studies), Head of the Department of Philosophy and Social Sciences, Saint-Petersburg University of State Fire Service of EMERCOM of Russia, Saint-Petersburg, Russia.

КУЗНЕЦОВА Наталья Валерьевна – кандидат филологических наук, независимый исследователь, Красногорск, Россия.

Natalia V. KUZNETSOVA, PhD (Philology), Independent Researcher, Krasnogorsk, Russia.